Марина МАРЕЕВА, Роман БАЛАЯН

Экран и сцена. – 1999. – 2000. – №52. – С. 8–9

Дальше могут быть драконы

Фрагменты сценария

Раньше мне казалось: и герой из балаяновских "Полетов во сне и наяву", и наш, новый – малохольные инфантильные невротеники, мечутся, фиглярствуют, никого им не жалко, никого они не щадят, ни себя, ни близких, ни чужих. Никого не щадят, никого не любят.
Раньше мне казалось. Раньше я моложе была. Теперь мне почти сорок. Теперь я сама стою у этой черты. Какая истерика? Разве это истерика? Это – страх. Растерянность. Смятение. Страдание. И – жажда жизни невероятная! Жить, жить, жить! Только не абы какой ценой. Иначе – "Дальше могут быть драконы".
Такие дела. Если весной будут деньги... Балаян всегда говорит: "Деньги! Ха! Деньги я достану. Были бы идеи!"
Так что если весной будут деньги. Будут деньги – "Дальше могут быть драконы".
Но он еще тысячу раз название поменяет. И сценарий еще сто пятьдесят раз перепишем. На днях позвонил: "Я тут придумал кое-что. Вот это надо поменять. И это. А это – совсем никуда".
Так что читайте. В фильме вы этого не увидите.
Если он будет, фильм.
Будет, будет.

Марина МАРЕЕВА

Осень. Ночь. Ливень.

Мужчина лет пятидесяти выскакивает из подъезда многоэтажного дома, на бегу запахивая плащ, открывая зонт. Он пересекает пустынный двор, выбегает на ночную улицу. Стоит у автобусной остановки, нетерпеливо вглядываясь в темноту. Дождь идет стеной. На циферблате уличных часов – двадцать минут шестого.

Вот, наконец, машина. Мужчина поднимает руку – машина проносится мимо. Мужчина идет вперед, к перекрестку, то и дело оглядываясь назад. Еще одна машина. Он "голосует", сойдя с тротуара на дорогу. Машина проезжает мимо, обдав мужчину фонтаном брызг. Он спешит к перекрестку, почти бегом, поглядывая назад, заметно нервничая. Снова машина. Мужчина преграждает ей путь, выйдя на середину дороги. Визг тормозов. Машина останавливается, водитель, опустив стекло, кричит зло:

– Жить надоело?

– Да нет пока. Подбрось до Чехова, – говорит мужчина, подходя к машине.

Дождь. Ночной город за мокрым стеклом. Титры.

Мужчина сидит на переднем сидении, рядом с водителем. Бросает взгляд на циферблат наручных часов.

– Куда в ночь-то понесло? Случилось чего?

Мужчина не спешит отвечать.

– Старику плохо, – наконец говорит он.

– Отец? – спрашивает шофер.

– Да нет. Учитель.

Заглавный титр.

Лестница старинного, дореволюционной постройки, дома. Облупившаяся лепнина, сводчатые окна, железная клетка допотопного лифта. Мужчина, уже знакомый нам, стоит у двери, нетерпеливо, настойчиво нажимая на кнопку дверного звонка. Ему никто не открывает. Тогда он стучит в дверь кулаком. Дверца лифта открывается со скрежетом. Женщина средних лет выходит из лифта, следом выскакивает ротвейлер.

– Доброе утро, Алеша, – соседка удивленно смотрит на мужчину. – Александра Львовича на "скорой" увезли.

– Давно? – отрывисто спрашивает Алексей.

– Минут двадцать назад... Я как раз Эрни вывела.

Алексей молча мчится вниз по лестнице.

Теперь Алексей идет вслед за медсестрой по широкому, сумрачному коридору кардиоцентра. За окнами только-только начинает светать.

Алексей идет мимо больничных кроватей, стоящих прямо в коридоре, вдоль стены. На кроватях лежат больные, кто-то спит, кто-то бодрствует. Алексей поглядывает на пациентов клиники сочувственно, почти виновато, так, как здоровый смотрит на хворого.

– Вот он, – шепчет медсестра, останавливаясь возле кровати, стоящей у окна.

Алексей замедляет шаги. Смотрит на спящего старика со смешанным чувством тревоги, боли, негодования.

– А почему он в коридоре? – возмущенно шепчет Алексей.

– Ему обезболивающее ввели и снотворное. Внутривенно, – сестра словно не слышит вопроса. – Будет утренний обход. Посмотрят его, решат, что делать.

– Нет, почему он в коридоре?! У окна. Здесь дует, наверное – Алексей подносит ладонь к стеклу. Наклоняется к старику. Всматривается в его породистое, выразительное, властное лицо с тревогой.

– Не дует, – шепчет медсестра. – Наоборот. Можно в окно смотреть. У нас мест нет. Больница переполнена.

– В чем дело? – дежурный врач, ровесник Алексея, появляется за спиной больничной нянечки, пытающейся оттолкнуть возмущенного Алексея от дверей ординаторской.

– Разбудил все же, – сокрушенно шипит нянька. – Только лег человек.

– Извините, – Алексей ненавидяще смотрит на сонного врача. – Потревожил ваш сон. Здесь, наверное, хорошо спится. Да? А вы в коридоре не пробовали?

Врач выходит в коридор, морщась, растирая затекшее предплечье и шею, спокойно спрашивает:

– Вы кто? К кому?

– Как же так? – Алексей задыхается от возмущения. – Профессор. Лауреат Госпремий. Да просто старый человек, в конце концов.

– Тише, – перебивает его врач. Решительно приобняв Алексея за плечи, он ведет его по коридору к выходу.

– Что, места для него в палате не нашлось?!

– Не нашлось, – так же спокойно отрубает врач. – Мест нет. И перед этим все равны. – Он выводит Алексея на лестничную площадку, легонько подталкивает к лестнице, ведущей вниз, к выходу. – Все. И дважды лауреаты. И четырежды дворники.

Дождь кончился. Пасмурное осеннее утро.

Алексей бредет к своему дому по лужам. Подъезд, лифт. Дверь в его квартиру распахнута настежь. Заревanная, кое-как причесанная жена сидит в прихожей у телефона. Она сидит, тупо уставившись в одну точку, замерев в напряженной позе. Алексей входит в прихожую. Кладет зонт на подзеркальник.

– Наконец-то... – жена поднимает на него глаза, смотрит казняще. – Где ты был?!

– Я тебе записку оставил, – тупо, устало отвечает он, снимая плащ.

– Где?! Я не нашла никакой записки! Я проснулась в шесть утра – тебя нет!

– Не нашла – значит, плохо искала, – так же устало перебивает ее Алексей, идя в ванную комнату.

– Я тебе не следопыт! – жена идет следом. – Мог бы и разбудить! Объяснить толком, куда собрался!

– Старик в больнице. – вымотанно поясняет Алексей, моя руки под краном. – Я проснулся от предчувствия, что с ним – плохо.

– Предчувствие... – шепчет жена с какой-то странной, почти ревнивой болью. – Чувствуешь, что с ним, на расстоянии. А когда твоего сына из института гнали, ты ничего не почувствовал! Плыл себе по низовьям Дона. Делал замеры воздуха! Ты там воздух мерял, а я ему тут – температуру. У него под сорок было на нервной почве!

– Слушай, отстань от меня! – полотенце летит в ванную.

Алексей выскакивает из ванной комнаты, идет в прихожую.

– Алеша, – жена выходит следом, – чужих любить всегда проще.

– Он мне не чужой! – орет Алексей, снимая с вешалки плащ.

– Я знаю, – устало соглашается жена. – Но не просто, знаешь ли, примириться с тем, что зарплату, которую ты получаешь раз в три месяца, ты тратишь на его лекарства!

– Галя! – кричит Алексей, не попадая руками в рукава плаща. – У него никого нет!

Алексей рывком открывает входную дверь.

– Куда? – стонет жена. – Побрейся хоть! Тебя Андрюша просил позвонить, позвони сыну!

Улица. Утро. Алексей бредет к автобусной остановке. Проходит мимо пивного ларька. Возле ларька, у дощатого стола, двое только что приступили к утреннему опохмелу. Бутылка водки, пара бутылок пива.

Алексей задерживает взгляд на честной компании.

– Мужик, выпей с нами, – тут же предлагает один из двух.

– Нет, ребята, спасибо, – отвечает Алексей после минутного колебания.

– Ну, выпей, иди сюда, – и уличный выпивоха добавляет, поразмыслив. – У нас кореш помер позавчера. Иди, помяни с нами друга... – Минутная заминка. – ... Колю.

Алексей смотрит на бутылку. Коротко отвечает:

– Земля пухом.

Успевает вскочить на подножку автобуса. Автобус отъезжает от остановки.

– Ты че, охренел совсем?! Какой Коля?! – недоуменно вопрошает второй выпивоха первого. – Кого мы поминаем-то, на хрена ты эту лажу нес?!

– Ему ж выпить хотелось, – миролюбиво поясняет первый второму. – Че, не видел? Хотелось. Просто так ему с нами – западло. Вот, я ему помог. Феньку придумал.

– А-а-а... – тянет второй.

– Соблазн! – первый поднимает вверх указательный палец. – Великая вещь! Мир, Витек, держится на соблазне.

Алексей подходит к двухэтажному учрежденческому зданию. У дверей – табличка. Что-то вроде "Центр экологических исследований и разработок Академии наук". Он открывает дверь. Кивает вахтеру и охраннику. Пересекает холл. Поднимается на второй этаж. Подходит к двери своего кабинета. К двери пришлепана записка: "Леша, срочно зайди ко мне. У меня – Митрофанов. Боря".

Алексей сдирает с двери записку. Скомкав, сует ее в карман. Рывком открывает дверь соседнего кабинета (на табличке надпись: "Начальник отдела такого-то").

– Ой, наконец-то, – секретарша, на минуту оторвавшись от компьютера, радостно улыбается Алексею. – Входите. Они вас ждут.

Алексей, едва кивнув ей, открывает дверь в кабинет начальника.

Начальник, лысоватый крепыш лет пятидесяти, прикуривает от зажигалки вальяжного господина, стоящего у его кресла.

– Здоров! – говорит начальник вошедшему Алексею. – Ты чего такой зеленый? Не выспался?

– Профессиональный окрас, – хмуро отвечает Алексей.

– В смысле? – сделав глубокую затяжку, начальник откидывается на спинку кресла.

– Я же "зеленый". Ты, кстати, тоже.

– А! – смеется начальник. – "Гринпис"! Понятно.

– Шутить изволите, – улыбаясь, замечает вальяжный господин. – Значит, в хорошем расположении духа. Значит, есть надежда, что сегодня мне, наконец, повезет.

– Если вы имеете в виду разрешение на строительство вашей автозаправки – то нет. – Алексей по-прежнему стоит у дверей.

– Ты садись, – мягко предлагает ему начальник. – В ногах правды нет.

– А где она есть? – и Алексей добавляет без паузы, зло и решительно глядя на автозаправщика. – Я разрешение подписывать не буду.

– Но это смешно, в конце концов! – тот пожимает плечами. – Пятый год работаю в этом бизнесе. Сеть автозаправок по всему кольцу.

– И каких, – подобострастно вставляет начальник.

– Я не вчера с полатей слез, милейший. Научился, слава богу...

– ...Лихо обходить наши нормативы, – запальчиво перебивает его Алексей.

– Алексей Игоревич, держи себя в рамках! – начальник отдела нервно давит сигарету в пепельнице.

– Все ваши нормативы соблюдены! – резко возражает владелец автозаправок.

– Все, да не все! – парирует Алексей. – Там туберкулезный санаторий – в трех минутах ходьбы!

– Это вообще не ваша епархия! – заводится автозаправщик, теряя остатки самообладания. – Это Минздрав решает, а не вы! Ваше дело – за птички-ручейки расписаться, а за чахоточных мне айболиты подмахнут!

– Вот пусть сначала вам айболиты подмахнут! – Алексей рывком открывает дверь.

– Уже, – победно отвечает автозаправщик.

– Да?!

– Да!

– Тогда пусть это будет на их совести, – Алексей выходит из кабинета, резко хлопнув дверью.

Он идет по коридору, открывает дверь своего кабинета. Начальник отдела врывается сюда следом. Частит приглушенной взвинченной скороговоркой:

– Ты что себе позволяешь! Дон Кихот хренов! Подпиши! Он нам бабок кинет немерено, я отделу зарплату выдам! Люди который месяц денег в руках не держали!

Алексей молча усаживается за свой стол. Придвигает к себе телефон, набирает номер.

– Ты не подпишешь – он в другом месте подмахнет, купит себе эту ксиву! – запальчиво продолжает начальник. – Иди, поставь свою закорючку, пока не поздно!

– Это регистратура? – говорит Алексей в трубку. – К вам сегодня утром поступил больной. Александр Львович Гуревич. Я хотел бы узнать...

– Ты что, издеваешься?! – говорит начальник отдела и вырывает трубку из его рук, швыряет ее на рычаг. – Я с тобой разговариваю, а ты...

Алексей спокойно поднимает на него глаза. Отвечает очень спокойно:

– Это не разговор. Это – базар. Дешевый и хамский. Я в таких условиях работать не могу. Не хочу. Не буду.

– Давай, – кивает начальник, побледнев, подобравшись. – Иди, пиши заявление.

Алексей молча встает из-за стола. Выдвигает поочередно ящик за ящиком. Вынимает какую-то мелочь – записную книжку, портсигар, паркеровскую ручку, дорогой очешник. Рассовывает все это по карманам.

– Ладно, не дури, – начальник хватает было его за руку, Алексей резко выдергивает ее. – Леша... Что это за спектакль?!

Алексей молча выходит из своего кабинета, чуть не столкнувшись с подслушивающей, видимо, девушкой. Она семенит за Алексеем, частя скороговоркой:

– Как я боялась! Как я боялась, что вы подпишете. Но вы молодец! Как вы умыли этого короля бензоколонок! Браво.

Алексей, не ответив ей, рывком открывает дверь кабинета начальника и, садясь к столу, говорит секретарше:

– Дай мне бланк.

– Какой? – испуганно спрашивает та.

– Любой.

Начальник отдела, демонстративно глядя на Алексея, проходит в свой кабинет, на ходу бросив секретарше:

– Вика, принеси мне сводку вчерашнюю по Юго-Восточному округу. Секретарша встает из-за стола, берет со стола папку с документацией.

– Подожди, – Алексей ставит под заявлением число и подпись. Протягивает листок секретарше. – Захвати и это.

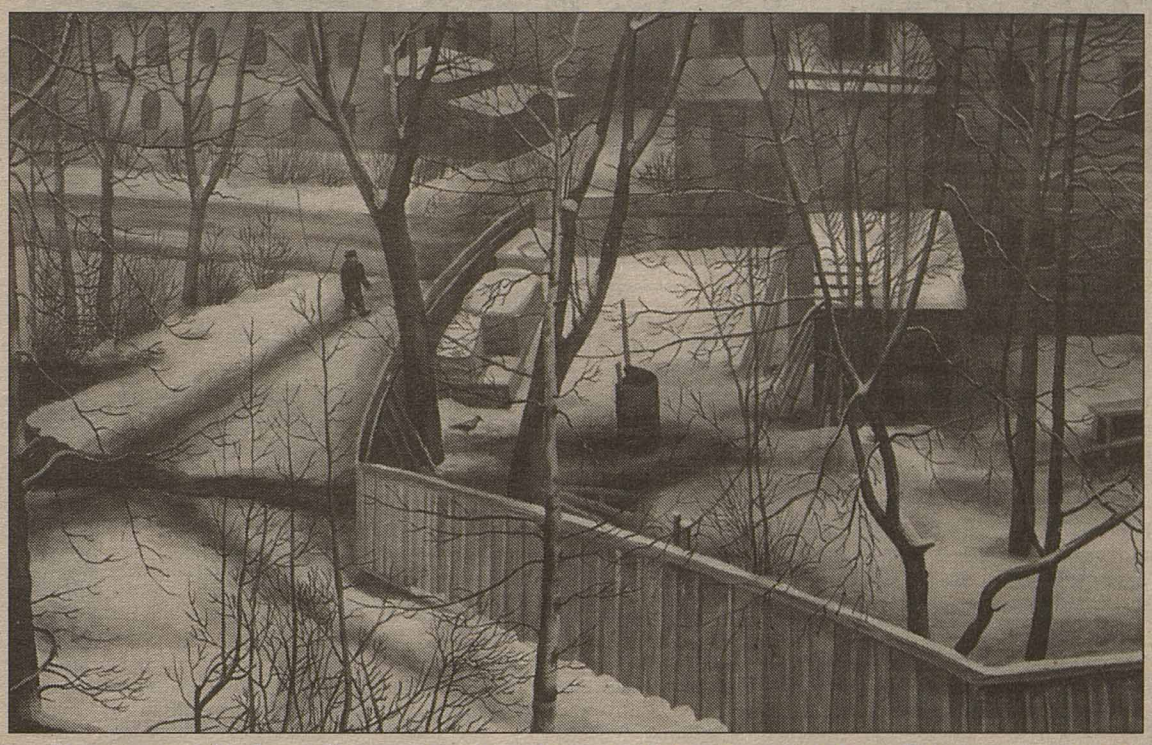
Алексей выскакивает из дверей института. Выходит из ворот. Невольно замедляет шаг, глядя на роскошный "Мерс" короля бензоколонок, стоящий совсем рядом. Хозяин расхаживает взад-вперед в нескольких шагах от машины. С вальяжной ленцой разговаривает с кем-то по мобильному. Охранник стоит навытяжку у открытой передней дверцы авто.

– Подвезти? – вполне миролюбиво спрашивает бензозаправщик у Алексея, отдавая мобильный охраннику.

– Спасибо, сам дойду, – хмуро отвечает тот.

– А вы мне понравились, – бензозаправщик вынимает из кармана визитку, протягивает ее Алексею. – Заня-атный вы экземпляр! – он рассматривает Алексея с насмешливым интересом. – Все еще пытаетесь жить по правилам? Да?

ЗАВТРАШНИЙ СЕАНС



– А как же иначе? – Алексей угрюмо косится на визитку, не спеша ее брать. – Не в лесу живем.

– Еще в каком лесу, – смеется бензозаправщик, засовывая визитку в карман Алексеевой куртки. – В самой чаще!

Он идет к машине, снисходительно бросив напоследок:

– Будут проблемы с бензином – милости просим, или колеса там подлечить.

– Я – безлошадный, – зло перебивает его Алексей.

Бензозаправщик, уже садящийся в свой "Мерс", косится на Алексея с веселым сочувствием, тянет, присвистнув:

– Э-э-э, как все запущено!

Охранник захлопывает за ним дверцу. Садится сзади. Машина уносится прочь. Алексей стоит посреди дороги. Он подавлен, унижен, зол.

– Вы кто? – женщина лет сорока, только что открывшая Алексею дверь, недоуменно смотрит на него.

– А вы кто? – Алексей взирает на нее с тем же удивлением.

– Валерия Иванна, это мой отец, – рослый молодой мужчина лет тридцати выглядывает из-за ее плеча. – Пап, привет, входи. Это Валерия Иванна, знакомься. Мы ей нашу квартиру сдаем. На два года.

– Как это – "сдаем"?" – озадаченно переспрашивает Алексей, отходя в сторону. – Андрей, что это значит?!

Трое грузчиков тем временем выносят из квартиры громоздкие книжные стеллажи. Сын идет следом, помогая им, на ходу, говоря Алексею, растерянно замыкающему процессию:

– Вот, созрело решение. Спонтанно. Прости, что ставлю перед фактом. Э-э, ребята! Осторожней! Не дрова!

– Бред, – бормочет Алексей, перехватывая край стеллажа. – Куда ты его волочешь, я не понимаю?!

– В новую квартиру, – поясняет сын, они переговариваются отрывисто и коротко, на ходу, в суете, в сутолоке.

Уже на улице, у открытых дверей, подтаскивая стеллажи к крытому грузовику:

– Мы сняли однокомнатную. На окраине. Двухкомнатную сдаем на два года.

– Зачем?! – допытывается у сына Алексей, помогая Андрею и грузчикам поставить стеллажи в чрево грузовика, уже наполовину заполненное сыновьим скарбом.

– Де-ед! – весело кричит его девятилетняя внучка.

Она сидит там, внутри, развалясь в огромном старинном кресле, держа на коленях персидского кота. – Дед, мы переезжаем!

– Иди, поцелую,– Алексей расплывается в обожающей улыбке.

– Зачем? Затем, что мы вот эту девицу в лицей отдаем, – поясняет Андрей, глядя на дочь, обнимающую деда. – А это – деньги, папа.

– Вам же с Наташкой платят хорошую зарплату. Ты же сам говорил, – подходит к нему Алексей.

– Ну и что? – отвечает Андрей. – Сдаем за тысячу долларов в месяц, шестьсот – первый взнос за лицей, за два года накопим денег, куда-то поедем, что-то увидим.

– Андрюша-а! – кричит молодая женщина, высунувшись из открытого окна второго этажа. – Иди, помогай! Мы тут твой стол развинтить не можем! Здрасьте, Алексей Игоревич, – добавляет она, увидев Алексея.

Андрей спешит к подъезду. Алексей идет следом, хмуро, растерянно бормоча:

– Нет, знаешь ли... Это не выход из положения.

– Никто и не говорит, что это выход, – сын поднимается по лестнице. – Это временная мера.

– Ну хорошо, – Алексей прижимается к стенке, пропуская еще одного грузчика, несущего вниз видеомагнитофон. – Как ты себе это представляешь? Практически?

– Папа, не грузи меня, – отмахивается сын, входя в квартиру. – Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Что значит "не грузи"? – Алексей входит в квартиру вслед за сыном. – Сашка большая уже. Что, втроем в одной комнате? Это невозможно. Нездорово. Со всех точек зрения.

– С экологической прежде всего, – насмешливо замечает его невестка, вынося в прихожую горшок с кустом цветущей китайской розы. Второй такой же горшок выносит из комнаты новая хозяйка квартиры.

– Наталья, не язви, – резко отвечает невестке Алексей. – Подумай о Сашке.

– Я как раз о Сашке и думаю, – возражает невестка – В первую очередь!

– Поставь цветок! – рявкает Алексей, понемногу заводясь.

– Именно о ней! О ее образовании! О ее будущем! Я ее отдаю в хороший лицей, а не в этот совковый загон для молодняка! Это денег стоит! Шестьсот долларов – срочный взнос!

– Да достану я вам эти деньги! – взрывается Алексей, загораживая собой выход. – Поставь цветок, тебе говорят!

– Где?! Где вы их достанете?!

– Так... – Алексей отворачивается от китайских роз, наступающих на него вместе с невесткой. – Это вы у них собираетесь квартиру снимать? Как вас... Валерия...

– Ивановна, – новая хозяйка ставит свой горшок на пол.

– Вы им деньги уже отдали?

– Папа, пожалуйста, за нас не решай, – сын переглядывается с женой.

– Деньги? – растерянно переспрашивает новая хозяйка. – Нет еще.

– Очень хорошо, – Алексей отнимает горшок у невестки. – Тогда вы свободны. Вы у них ничего не снимаете. Они вам ничего не сдают.

Вход в огромный роскошный супермаркет. Возле его дверей расхаживает туда-сюда зазывала в костюме черта (черное трико, длинный хвост с шелковой кисточкой, рогатая маска-капюшон с узкими прорезями для глаз).

– Господа, посетите наш магазин! – кричит зазывала. – Милости просим в наш магазин на Северной, тринадцать! Отоварьтесь в нашей "Чертовой дюжине"!

Алексей, стоящий на противоположной стороне улице, пересекает мостовую, подходит к зазывале, дергает его за хвост:

– Привет.

Зазывала оглядывается, стаскивает с головы маску-капюшон, устало отвечает:

– Привет, Алеша.

Это уже немолодой грузноватый мужчина с умным интеллигентным лицом, лоб его влажен от пота, подбородок и щеки побагровели.

– Паша, займи шестьсот долларов, – говорит Алексей. – Позарез нужны.

– Откуда? – хмыкает Паша-зазывала.

– Ладно, не заливай, – недоверчиво усмехается Алексей. – Сам говорил – тебе здесь двадцать долларов в день платят!

– Так мне их на срочный вклад переводят. Я долларовый счет открыл.

– Ишь ты, – замечает Алексей с усмешкой. – На что копишь? На плиту надгробную?

– Дурак ты,– беззлобно огрызается Паша. – Стихи свои хочу издать. За свой счет.

День. Маленький бар. У дверей – летняя выгородка, столики под полотняными тентами. Двое работяг снимают тенты, убирают столики – пора. Сентябрь.

– Нет, мне нужен его лечащий врач! – кричит Алексей в трубку телефона, стоя у стойки. Молодой лысоватый бармен томится от безделья, бесцельно переставляя рюмки и бокалы с места на место. – Да, я его родственник. Ближайший. Единственный. Да. Жду.

Пауза.

– Спасибо, мужик, – говорит Алексей бармену, прикрыв трубку ладонью. – Ни одного жетона. А разговор – срочный.

– Да ради бога, – бармен давит зевок. – Звони.

– Добрый день! – кричит Алексей в трубку. – С вами говорит родственник Александра Львовича Гуревича! Я хотел бы... А! – говорит он, осекшись. – Так это я вас обхамил утром? Понятно. Вы его лечащий врач? Приношу свои извинения. Он все еще в коридоре? Так. Так. Я понял, – говорит он, наконец. – Это меняет дело. Деньги будут. Сегодня же. Спасибо.

Алексей кладет трубку. Молча склоняется над стойкой, спрятав лицо в ладонях. Выпрямляется, наконец. Смотрит на бармена угрюмо, устало, тупо.

– Что? – спрашивает бармен. – Места в палате нет?

– Палата есть. Свободная палата, – медленно поясняет Алексей. – Только она – платная. Сто баксов.

– Совсем охренели, – бармен крутит лысой башкой.

– Да нет, это вроде как официально все. Хозрасчет.

– Выпить хочешь? – спрашивает бармен, глядя на Алексея сочувственно.

Алексей так же угрюмо и тупо смотрит на бутылку коньяка. Озирается по сторонам. В маленьком баре пусто. Неяркое осеннее солнце пробивается сквозь заросли плюща.

– Денег у меня нет, – наконец говорит Алексей. – А на халяву я не умею.

Он вынимает из кармана визитку владельца автозаправки. Внимательно изучает ее. Кладет у телефона, говорит:

– Я тебе спектакль сыграю. Одноактный. Считай, что заплатил за билет. Пятьдесят граммов коньяка – первый ряд партера.

– По рукам! – смеется бармен. – А как пьеса называется?

– Греческая трагедия, парень, Алексей уже набирает номер, сверяясь с визиткой. – Неподкупный герой идет на сделку с совестью, – объявляет он с наигранно-театральным пафосом. – За сто баксов. Нет, за семьсот, – поправляет он самого себя с усмешкой. – Мне ж еще Сашке нужно шестьсот отстегнуть. На лицей. Алло! Добрый день. Это офис господина Митрофанова? А с кем я говорю? Его секретарь? Очень приятно. Могу ли я поговорить с вашим шефом? Хорошо. Я подожду. Как меня представить?

Он мнется. Морщится, будто от боли. Потом резко, быстро говорит:

– Спасибо, не нужно. Я позвоню в другой раз.

– Так я наливаю? – тянет руку к бутылке бармен.

– Подожди, – Алексей предупредительно поднимает ладонь вверх. – Спектакль отменяется.

Он бросает трубку на рычаг. Он абсолютно вымотан и подавлен. Крупные капли пота выступили на его лбу и скулах.

– Что, передумали? – разочарованно спрашивает бармен.

– Все билеты подлежат возврату, – отвечает Алексей.

Он идет к дверям, ссутулясь, молча махнув бармену рукой на прощанье.

– А выпить? – кричит бармен ему вслед.

Алексей, уже распахнув стеклянную дверь бара, оглядывается:

– Я же тебе сказал – я на халяву не пью.

– Так вы ж сыграли спектакль-то, – смеется бармен.

– Да. Но без финала, – Алексей смотрит на него невесело.

Бармен берет со стойки визитку автозаправщика:

– Самое важное забыли.

– Пусти, – умоляет Алексей дюжего охранника, загородившего собой вход в кафе. – Ну не хочешь пускать, Леньку Семенова позови. Он у вас официантом. Сегодня его смена, я знаю.

– Мест нет, – цедит охранник, не двигаясь с места.

– Я ж тебе объясняю, мне – не выпить-закусить. Мне – Семенова.

– Сказано – мест нет!

– Ну, что ты заладил-то?! Так и быть. Я тебе объясню, – Алексей доверительно кладет ладонь на мощное плечо охранника. Охранник брезгливо сбрасывает с плеча его ладонь. – Мне в больницу сейчас. Понимаешь? Денег нет ни гроша, не могу же я к старику с пустыми руками. Ленька мне в долг фруктов каких-нибудь даст. Ты понял?

– Ладно сказки рассказывать. Вали отсюда. Фрукт! – и охранник неспешно удаляется, закрыв за собой стеклянную дверь, презрительно бросив напоследок. – Тут тебе не пивная.

– Ты-ы... – шепчет Алексей, побелев от унижения и ярости. – Скот! Я с тобой, как с человеком, а ты... Мразь! – и он бьет в дверь кулаком.

Охранник, стоящий в вестибюле, вынимает из кармана мобильный.

– Тебя чему учили? – Алексей молотит кулаком в дверь. – Тебя для чего наняли?! Скот!

Он умолкает, задохнувшись от гнева. Отходит на несколько метров. Разбежавшись, всем корпусом налетает на дверь.

Та распахивается – Алексей влетает в кафе, едва устояв на ногах, крича охраннику с победным куражом:

– Ты сказал – "вали"?! А ну, повтори! Ну!

Сумрачный коридор районного отдела милиции. Алексей шагает по нему в сопровождении двух милиционеров.

– Служивые, это произвол! – говорит он, поглядывая на своих безмолвных стражей. – Я требую адвоката!

– Помолчи, – один из милиционеров подталкивает его в спину.

– А как тут у вас с экологией? – Алексей принюхивается. Щелкает пальцем по серой стене.– Мужики, с экологией у вас – хреново. Вам эколог не нужен? Возьмите на полставки.

– Сейчас схлопочешь! – сурово обещает ему мент.

– Я вам заодно три преступные группировки сдам, – он говорит безостановочно, возбужденно, все на том же истерическом заводе. – Держи, – и он протягивает милиционеру только что вытащенный из брюк пояс.

Милиционер молча подталкивает Алексея вперед.

– Шнурки выдергивать? В книжках пишут – шнурки нужно сдавать...

Милиционер толкает его кулаком в спину. Алексей, наконец, умолкает, едва устояв на ногах.

Крохотная, на две персоны камера предварительного заключения. На соседних нарах лежит, развалясь, закинув руки за голову, субъект лет тридцати.

– Здоров, пацан, – приветствует его Алексей, садясь на соседние нары.

– Здоров, папа, – невозмутимо ответствует сосед.

– Какой я тебе папа? – беззлобно огрызается Алексей.

– А какой я тебе пацан? – парирует сосед.

– Логично, – соглашается Алексей, поразмыслив. – За что повязали?

– Вооруженный разбой, – отвечает тот. – А тебя?

– Пьяный дебош, – отвечает Алексей не без гордости.

– Папа! Так мы с тобой – социально опасны! – с воодушевлением констатирует сосед.

– А то!

– Я чувствую – ты способен на многое! – сосед садится на своих нарах.

– Какой разговор, – вальяжно соглашается Алексей.

– В тебе живет здоровый дух авантюризма, папа!

– Кто бы сомневался!

– Дай пять, – сосед тянет ему ладонь.

Оба встают с нар и с преувеличенным пылом жмут друг другу руки.

– Папа, ты – наш человек, – прочувствованно замечает сосед.

Ключ дважды поворачивается в замке, дверь камеры отворяется.

– Это моя с деньгами приехала, – шепчет сосед. – Потерпи, папа. Мы и тебя сейчас выкупим.

– На выход! – охранник стоит на пороге камеры.

Сосед Алексея подмигивает сокамернику и покидает темницу.

● *Художник*
Татьяна Назаренко